

Владимир Никифоров

Мамин-Сибиряк поневоле

Очерк о Николае Эрдмане был уже свёрстан, когда из Новосибирска пришла печальная весть о кончине его автора, Владимира Семёновича Никифорова. Вечная светлая память нашему товарищу, писателю, учёному, гражданину. Искренние соболезнования его родным и близким.

Редакция «ДиН»

Откуда есть пошли сибиряки

Численность коренных народов Сибири составляет около семисот пятидесяти тысяч человек: буряты — двести пятьдесят тысяч, сибирские татары — двести, хакасы — шестьдесят четыре, ненцы — сорок пять, эвенки и эвены — шестьдесят, ханты и манси — сорок пять, шорцы — тринадцать, долганы — восемь, вепсы и саамы — восемь, тувинцы — пять, представители других малочисленных народностей (кеты, тофалары, селькупы, нганасаны, энцы и другие) — около двадцати тысяч. Между тем население Сибири только в составе Тюменской (с округами), Омской, Новосибирской, Кемеровской, Томской областей, Алтайского и Красноярского краёв и Республики Алтай достигает семнадцать миллионов человек.

Кто же они, нынешние сибиряки, какого роду-племени? По национальному составу среди них свыше девяноста процентов русских, пошедших на восток с Ермаком и после его гибели основавших все нынешние региональные столицы, кроме Новосибирска. С той поры до начала двадцатого века шло массовое переселение в Сибирь из «России», как называли европейскую часть империи, за лучшей жизнью, на вольные земли. В советское время в Сибирь ехали по призыву партии на стройки коммунизма. В своё время в Красноярске вышла книга о строителях Красноярской ГЭС «Потомки Ермака».

Но завоеванная (освоенная) Сибирь сразу же стала местом ссылки для неугодных царскому режиму. Ссылали представителей разных сословий, среди них были и писатели: Аввакум (находился в ссылке в 1653–1663 годах в Тобольске и других поселениях), Юрий Крижанич (1661–1676,

Николай
Эрдман

Тобольск), А. Н. Радищев (1790–1796, Илимск), В. К. Кюхельбекер (1835–1846, Баргузин, Курган, умер и похоронен в Тобольске, куда выехал для лечения от чахотки), Ф. М. Достоевский (1850–1854, Омск), Н. М. Чернышевский (1864–1883, Нерчинск, Акатуй, Вилюйск). 9 августа 1880 года в Томск очередной партией ссыльных прибыл В. Г. Короленко, но по постановлению верховной комиссии был возвращён в Европейскую Россию под надзор полиции.

6 (19) марта 1917 года Временное правительство объявило политическую амнистию, а 26 апреля (9 мая) 1917 года политическая ссылка была упразднена. В 1922 году в Советском Союзе официально учреждены высылка и ссылка. Ссылные поселенцы были обязаны заниматься общественно-полезным трудом, иначе им ещё грозило и наказание¹.

В 1930–1950 годах, без учёта представителей народов и народностей СССР (западные украинцы и белорусы, поволжские немцы, литовцы, латыши, эстонцы, калмыки, крымские татары и другие), сибирскую ссылку несколько тысяч «россиян», в основном имеющих политическую окраску. Среди них были и «потомки Аввакума» — писатели: Давид Кугультинов, Олег Волков, Алексей Гарри, Юрий Магалиф, Елизавета Драбкина, Роберт Штильмарк, Сергей Снегов, Александр Солженицын, Борис Дьяков, Ариадна Эфрон. Но первым советским писателем, сосланным в Сибирь, можно считать драматурга и сценариста Николая Эрдмана.

.....
1. Между тем В. И. Ленин жил в Шушенском all inclusive.

Жизнь удалась!

Николай Эрдман родился в 1900 году в Москве, в семье мещанина, лютеранина из обрусевших балтийских немцев Роберта Карловича, «самого чистейшего немца со смешным милым акцентом», и Валентины Борисовны Эрдман, православной. Учился в Москве, в Петропавловском реальном коммерческом училище.

По воспоминаниям Эрдмана, в девять лет он начал писать стихи, а в пятнадцать познакомился с поэзией Маяковского, испытал «колоссальное» влияние.

Посещая «культурные» мероприятия послереволюционной Москвы, в 1918 году знакомится с известными поэтами и под влиянием своего старшего брата Бориса, художника, входит в группу имажинистов (Анатолий Мариенгоф, Сергей Есенин, Сергей Городецкий, Вадим Шершеневич), участвует в обсуждении текста «Декларации» имажинистов, вступает в переписку с Есениным и Мариенгофом.

В 1919 году публикует первое стихотворение «Осенью осени осень...», и в том же году Николай Эрдман был призван в Красную Армию. Занят он был почти по будущей профессии — писарем в штабе. Демобилизовался в 1921 году и тогда же начал литературную деятельность — как автор текстов для театров, артистических кабаре, мюзикхолла, сатирических обзоров, часто в соавторстве с Владимиром Массом, — и общественную, участвуя в движении имажинистов: подписывает листовку «Приказ о всеобщей мобилизации №1» и литературную декларацию «Восемь пунктов», выступает на стороне защиты в литературном «Суде над имажинистами».

В 1922–1924 годах премьеры небольших пьес, либретто и скетчей следуют одна за другой. В 1924 году Николай Эрдман написал свою первую пьесу — «Мандат». Поставленная в 1925 году в Государственном театре имени Мейерхольда (премьера состоялась 20 апреля), а затем в Ленинградском академическом театре драмы, пьеса принесла признание молодому драматургу. В двадцатых годах сатирическую комедию Эрдмана ставили во многих городах СССР, в том числе в Одессе и Харькове, Баку и Ташкенте; в 1927 году пьеса была поставлена в Берлине и в одном только Государственном театре имени Мейерхольда (ГосТиМ) выдержала более трёхсот пятидесяти представлений.

После такого успеха первой пьесы молодого драматурга нарком Луначарский предоставил в 1925 году Николаю Эрдману и главлиту мхата, известному театральному деятелю Маркову, двухмесячную командировку в Германию и Италию. Судя по письмам Эрдмана, поездка была насыщенной: Берлин («Театры довольно дорогие и очень плохие»), Венеция («Площадь Св. Марка. На ней можно сидеть часами без слов и движения»), Флоренция («Мы сшили во Флоренции

по костюму, которые ни к чёрту не годны»), Рим («Самое замечательное — площади и фонтаны»), Капри, Сорренто... В Сорренто жил Горький, и каждый вечер Эрдман бывал у Алексея Максимовича на его роскошной вилле, арендованной у знатного итальянца. «Читал он мою пьесу и вызывал меня для беседы с ней. Многое осуждал, но больше хвалил».

После заграничной поездки Эрдман вступает в гражданский брак с балериной Надеждой Александровной Яшке из семьи обрусевших чехов (сценический псевдоним — Воронцова, по названию московской улицы, где она жила), а через два года знакомится с одной из ведущих актрис мхата Анжелиной Степановой, с которой на протяжении ряда лет был связан глубокой, но непростыми отношениями, поскольку оба были несвободны. Переписка между ними длилась несколько лет, в архиве хранится двести восемьдесят (!) писем актрисы к Эрдману.

С 1926 года Николай Эрдман работал в кинематографе как сценарист (фильмы «Митя», «Турбина №3», «Дом на Трубной» и другие). «Митю» собирались ставить на Одесской киностудии, но сценарий с трудом прошёл цензуру в тогдашней столице СССР Харькове, и Эрдман весь июль ждал решения в Одессе: «Начинаю покрываться загаром, ругаю украинизацию и дожидаюсь телеграммы». Наконец утвердили сценарий и постановщика (Николай Охлопков), и Эрдман стал помогать режиссёру в съёмках и монтаже фильма: «Материалу на двадцать картин...»

9 сентября 1931 года в Гаграх начинаются съёмки фильма «Весёлые ребята» по сценарию Николая Эрдмана в соавторстве с Владимиром Массом и Григорием Александровым. Первым снимался эпизод с коровами. Судя по письму Эрдмана матери, в реальности всё было смешнее и трагичнее: «Во время съёмок две коровы упали от жары в обморок, третья корова упала с высокого откоса и грохнулась на дорогу, испугав до смерти дамочек, возвращающихся с пляжа».

Во время съёмок Эрдман и Владимир Масс пытались писать, но работать было трудно из-за жары, окружающей обстановки («Горы здесь высокие, а цены ещё выше»), отсутствия в продаже спичек, а Эрдман курил много, — и всё же, как оказалось, это были самые счастливые дни авторов «Весёлых ребят», жизнерадостный сценарий которых так весело сочинялся. Эрдман был молод, талантлив, элегантен; перед поездкой в жаркие Гагры вся мужская часть съёмочной группы срочно шила в Москве белые брюки, втайне желая походить на него. Кстати, Эрдман спрашивал в письме матери из Гагры, сшили ли «белые штаны» отцу, ожидавшему вызова на съёмки в роли скрипача. Арестовали его и Массу в ночь с 11 на 12 октября 1933 года в гостинице «Гагрипш» на глазах Роберта Карловича.

Фамилии обоих из титров были удалены, а приговор, вынесенный Эрдману, оказался мягким для того времени — ссылка на три года в город Енисейск. Владимир Масс был послан на десять лет, ссылку отбывал в Тюмени, Тобольске, Горьком. Арестован и уничтожен был оператор Владимир Нильсен, расстреляны Соколовская, Даревский, директор студии Бабицкий.

Поводом для ссылки стало неудачное выступление Качалова, прочитавшего в ходе правительственного приёма басни Эрдмана и Массы. По одной из версий, Качалов прочёл стихотворение «Колыбельная», заканчивающееся строфой: «В миллионах разных спален люди спят на всей земле... Лишь один товарищ Сталин никогда не спит в Кремле»; по другой — Качалов прочитал басню «Однажды гпуявился к Эзопу и — хватя его за жопу. Смысл сей басни ясен: не надо этих басен».

Конечно, сослали его не за басни. В 1930–1932 годах в театрах имени Евгения Вахтангова, ГосТиМе и МХАТе шли читки и обсуждения пьесы Эрдмана «Самоубийца», закончившиеся категорическим запретом на постановку. «Вы написали антисоветскую пьесу», — то ли спросил, то ли утверждал член комиссии ЦК, который наблюдал за постановкой «Самоубийцы» во МХАТе. Эрдман ответил: «Да»...

Ворота сибирского «рая»

Енисейск тридцатых годов двадцатого века воплощал в себе несовместимое: остатки былого величия центра богатого золотом, пушниной и рыбой края (храмы и монастыри, каменные здания, школы, больницы, музей) и заброшенной провинции (без центрального отопления, водопровода, канализации). Однако именно на начало тридцатых приходятся важные события в экономике города и района. В 1935 году, после поездки на Енисей О. Ю. Шмидта, в восемнадцать километрах ниже Енисейска образован Подтёсовский затон, вскоре ставший крупнейшим транспортным предприятием Енисейского бассейна. В эти же годы начали свою деятельность аэропорт, механический завод, судостроительный завод.

...Я знаю Енисейск с трёх-четырёхлетнего возраста, то есть с 1946–1947 годов. За десять с небольшим лет после ссылки Эрдмана в городе ничего не изменилось, только деревянные здания ещё глубже ушли в землю (помню низкие стены и покаты́й пол в доме тёти Дуси на главной улице, рядом с каменными зданиями девятнадцатого века). Если что и строилось, то в посёлках судостроительных и аэропорта. Енисейск в то время жил рекой. На рейд прибывали караваны из Красноярска, здесь укрупняли состав и в низовье, до Дудинки, уходили караваны по десять-четырнадцать барж.

Иногда, выезжая на лодке на берег в выплатной пункт и в магазин ОРСа, где по заборной книжке можно было купить всё то, чего в открытой

продаже не было, отец брал нас с сестрой, и мы успевали пройти по главной улице, где продавали мороженое и морс, забежать в книжный магазин (КОГИЗ) и в музей, а то и в кинотеатр, расположившийся за мехзаводом в низком белёном здании.

С 1951 года мы стали жить в посёлке Подтёсово, в чём-то превзошедшем Енисейск (водопровод, двухэтажные дома с однокомнатными и двухкомнатными квартирами), но в райцентре мы бывали с прежним удовольствием. А когда я поздней осенью пятьдесят второго сломал руку, мать повезла меня на катере «Кузнец» в енисейскую больницу, и мной занимался знаменитый хирург Бендиг. Он был из ссыльных², которые прибыли в Енисейск после войны. Их ссылка была спасением для многих енисейцев в буквальном смысле слова, потому что штат больниц на девяносто процентов был из самых лучших специалистов Москвы, Ленинграда и других «европейских» городов.

В Енисейск было сослано свыше тридцати инженеров и преподавателей, но немногие из них работали по специальности: начальник техотдела (Вилле), электромонтёр (Волков), начальник ОКС (Воловский), инженер по сплаву (Гаряев), дорожный мастер (Каттель), электромеханик (Кулябко), инженер ОКС (Мордухович), инженер по технике безопасности (Прага); в пединституте преподавали профессор-физик Румер, друг Ландау, и профессор-историк из Ленинграда Васильев, а другой профессор-историк, Дубровский, развозил воду по дворам.

Конечно, ссылка есть ссылка. У многих были проблемы с поиском жилья и работы, а нет того или другого — как жить? Но все с помощью енисейцев и местных властей более или менее обустроивались, никто из ссыльных не умер на улице или с голоду; более того, многие из них оказались нужными, заслужили уважение и почёт.

Они несли в «тёмную» провинцию свет знаний, культуры, включившись в общественную жизнь: читали лекции, давали концерты (среди них были прекрасные чтецы и музыканты), участвовали в спектаклях. Как пишет в своей замечательной книге краевед Людмила Еремеева, многие реабилитированные в письмах к ней тёплыми словами вспоминали ссылку, в том числе и потому, что жили они в «неволе» в таких условиях, которые на «свободе» показались раем.

Первая зима в Сибири автора «Весёлых ребят»

Н. Р. Эрдмана везли в Сибирь в арестантском вагоне и выпустили на «свободу» только в Красноярске,

.....

2. С 1937 по 1946 год Я. И. Бендиг отбывал срок 5 + 2 в Норильлаге, после «освобождения» был оставлен на спецпоселение в Подтёсово (1946–1948), затем переведён в Енисейск.

откуда он сам, за свои деньги, должен был добираться до Енисейска.

Между Красноярском и Енисейском по наземной дороге триста шестьдесят километров. Сейчас, по одной из лучших магистралей края, на маршрутке можно добраться за шесть часов. В то время автобусного сообщения не существовало, Эрдман добирался на перекладных две недели. Первая смена лошадей была в Большой Мурте, откуда 3 ноября, в день своего рождения по старому стилю, тридцатитрёхлетний автор «Весёлых ребят» писал Степановой: «...120 вёрст—2 дня... А сейчас сижу в хате и греюсь у печки. До Енисейска осталось около 250 вёрст. Мороз стоит градусов в 30, и обещаю больше. Завтра буду искать новых лошадей. Еду один, всеми брошенный и покинутый. Даже гпуи то от меня отказались. Обнаружил вокруг себя и в себе много любопытного. Рвусь в Енисейск, как будто это Москва. Будет адрес—будут письма. Линуша, милая, когда же я буду Тебя читать? Целую Тебя, хорошая. Улыбаешься ли? Пожалуйста, улыбайся!»

6 ноября он пишет любимой из той же Большой Мурты: «Застрял в деревне. На почтовых уехать не удалось—не взяли. Нанять крестьянскую лошадь—не по карману. Дорога от Красноярска до Большой Мурты и так обошлась мне слишком дорого. По подписке я должен быть в Енисейске до десятого. Сегодня шестое. Машина, которую я жду и на которой меня обещал захватить один сердобольный товарищ,—не приходит. Дело в том, что мне пришлось ехать одному. Красноярск махнул на меня рукой и, взяв с меня подписку, выпустил на свободу. До этого я не видел её четыре дня. Я не видел её, даже если бы стал считать свободой посещение уборной. Что мне будет за опоздание, тоже не знаю. Сейчас я живу с вербовщиками лошадей на фуражной базе „Енисейзолото“. Вербовщики—люди хорошие, и я слушаю их с превеликим интересом до глубокой ночи. Вообще, живу я занятно, но хочется быть на месте, хочется сесть за стол, хочется получать твои письма. Пиши мне, милая, чаще. Целую. Николай».

В Енисейск Эрдман прибыл 14 ноября и начал устраиваться на долгую зиму. С жильём в ту зиму в Енисейске были большие проблемы. Из-за раннего ледостава на Енисее застряло семьдесят пароходов (из вынужденной зимовки в Подтёсовской протоке возник затон), речники «осаждали» населённые пункты на реке: Туруханск, Подкаменную Тунгуску, Енисейск. Вначале Эрдман жил в общей комнате с тремя взрослыми и четырьмя детьми, «крикливыми, сопливыми, грязными, мокрыми и картавыми». «Крик и плач не смолкали с утра до вечера, лужи не просыхали с вечера до утра. Картавили все по-разному. Старший говорил „скола“, помладше—„шкора“, третий—„шкоа“, а самый маленький—просто „aaa-aaa“». Наконец

ему удалось найти отдельную комнату у хозяев, которые показали ему очень милыми: «Мне кажется, мы будем друг другом довольны».

На конвертах писем Эрдмана значится адрес: Сталина, 23. В отличие от большинства советских городов главная улица Енисейска носила имя Ленина, а улица Сталина, бывшая Барабинская, была не в центре, от реки её отделяло не меньше километра. А с рекой даже зимой у жителей города было связано многое: «Сегодня пятьдесят два градуса, хозяйка моя поехала на Енисей полоскать бельё—вот как здесь относятся к морозам. Сейчас она вернулась и, прыгая у печки, рассказывает, что у проруби, кроме неё, никого не было. Стало быть, я живу у самой храброй хозяйки в городе. Буду самым храбрым жильцом и понесу письмо на почту».

К стыду своему, я не знал про улицу Сталина в Енисейске, теперь она зовётся улицей Крупской (!), и на месте дома, где жил Эрдман, возникло новое здание.

Здесь Эрдман жил в тепле, имел свой угол, в дороге, слава Богу, не простудился. Но в Енисейске, в который он так стремился по пути из Красноярска, как оказалось, «кроме природы, к сожалению, ничего нет. Сегодня взял в библиотеке „В людях“. Здесь в люди выйти нельзя (из этого не мог сделать даже в Москве)... Что касается жив-здоров, то я жив и здоров, и вообще жизнь прекрасна»,—писал он Вадиму Шершеневичу через месяц после прибытия.

То, что у него не было с питанием проблем,—несомненно. Сибиряки традиционно гостеприимны, а тут ещё такой интеллигентный культурный человек из самой Москвы. По Подтёсово помню: никто ссыльных не считал врагами народа, знали, что сами могут оказаться в тюрьме или норильской ссылке, время было такое.

Чем питался Николай Робертович? Корову хозяева не держали, потому что летом надолго уезжали на промысел, но молоко он пил каждый день, хозяйка покупала его у соседки. Зато промысел на реке и в тайге делал стол сказочным (то есть обычным для енисейской провинции): рыба (осётр, стерлядь, хариус, тугунок—сосьвинская сельдь), дичь (глухари, утки, рябчики, куропатки), пироги, варенья, кисели (из жимолости, земляники, черники, голубики, смородины, брусники, клюквы), грибы (жареные, сушёные и маринованные белые, солёные грузди). В енисейских огородах растёт картошка, морковь, всякая зелень, у моей тётки на судоверфи прямо в грунте вызревали огурцы—настоящие, с пупырышками. С мясом, думаю, тоже не было проблем, потому что при таком таёжно-речном изобилии многие спокойно обходились без говядины и свинины на каждый день. В нашем доме котлеты были только по праздникам, зато какие это были котлеты,

да ещё с пюре! Косточку на щи мать покупала по воскресеньям на «ярманке», куда приезжали «купцы» с окрестных сёл... Когда Степанова, собираясь к Эрдману, спросила, что ему привезти к столу, он ответил: «Шоколаду!»

Но Николай Робертович не был нахлебником. До ареста был он человеком далеко не бедным, какую-то сумму удалось привезти в Енисейск, и он ожидал, что ему выплатят и вышлют причитающиеся ему гонорары (премьера «Весёлых ребят» состоялась 25 января 1934 года). Гонораров он не получил, как и перевода на тысячу рублей от Мейерхольдов: Татьяну Сергеевну, дочь Есенина и Райх, обокрали на почте. Зато до него дошла шуба «с плеча» Мейерхольда. Были переводы от брата Бориса и посылки от Степановой, к этому времени она ушла от мужа-режиссёра и готова была на любую «халтуру», чтобы помочь любимому.

А какие тогда были зарплаты и цены? В 1933 году средняя зарплата составляла сто двадцать пять рублей, сейчас это примерно соответствует прожиточному уровню — шесть-восемь тысяч рублей; почти всё уходило на питание. Что покупали в Енисейске, кроме еды? Валенки, сапоги, каку-никаку одежку детям; многим работникам выдавали спецодежду, они в ней и «щеголяли». Хозяевам Эрдмана, живущим «промыслом», постоялец приносил дополнительный доход в виде «живых» денег, на которые покупались хлеб, мука, сахар, соль, масло, крупы, иногда колбаса, пряники для дочери Иры, с которой Эрдман зимой катался на санках. Думаю, что все сошлись на разумной цене в районе тридцати-пятидесяти рублей в месяц. Сейчас это примерно две-три тысячи. Год назад Эрдману этих денег не хватило бы на скромный ужин в ресторане.

Ни работы, ни зарплаты у Эрдмана в Енисейске не было, в комендатуре он отчитывался, что ремонтирует... коровники. Зато перед Новым годом включился в культурную жизнь города, о чём писал своей мамочке (он одинаково нежно любил родителей, но с отцом ему было трудно общаться, тот практически не знал «настоящего» русского языка; в архиве хранится более двухсот писем Эрдмана «золотой мамочке») за подписью «Мамин-Сибиряк»:

«Три последних дня живу бурной общественной жизнью. На носу Рождество, и меня попросили сделать антирелигиозный спектакль. К несчастью, как я вычитал в одной брошюре, чудес не бывает, а сделать спектакль можно только чудом. Единственная книга в городе, которая могла бы помочь в этом деле, пропала из библиотеки два года тому назад. Выписывать какой-нибудь репертуар из Москвы уже поздно. Местный Союз безбожников никакой работы, кроме плана работ, не сделал. Сам я в этом вопросе понимаю столько же, сколько и ты, дорогая. Жалею, что ты никогда

не заставляла ходить меня в церковь. Чувствую, что для создания настоящего антирелигиозного спектакля необходимо быть верующим. Сейчас иду на совещание. Совещаний было уже много. Кажется мне, что дело совещаниями и ограничится. Нельзя начинать бороться с Богом, когда Бог уже на носу... Я здоров, солнце сияет, снег блестит, морозы ещё не наступили — всё прекрасно».

Конечно, «безбожная» деятельность в райдк была лучиком света в тёмной провинции. По жизни в Подтёсово помню, что значили для нас, «вольных», школа, клуб, библиотека, книжный магазин, а в Енисейске ещё были музей, два кино-театра, ресторан, где не было широкого выбора, но всё было приготовленным от души, а ещё красивое двухэтажное здание почты в самом конце набережной, откуда открывался вид на бесконечное белое пространство реки и низкого берега, а на втором этаже так вкусно пахло сургучом. Конечно, это была не Москва, но и не «мёртвый дом» Достоевского.

Эрдман всё больше включался в культурную жизнь Енисейска, даже пытался писать: «...Работал до глубокой ночи. Написал маленький одноактный водевиль о прорыве на енисейском лесном заводе. Водевиль этот должен быть показан 30 сего месяца [декабря] на партийной конференции. На постановку осталось пять дней — пожалей своего сына, как я жалею партийную конференцию. Вчера несколько человек приступили к организации в Енисейске Краеведческого общества — я вхожу в инициативную группу». В письмах Вадиму Шершеневичу Эрдман сообщает, что пишет ещё одну пьесу: «Писать очень трудно. Когда работа делается противной, некуда себя девать». Ничего особенного Эрдман в Енисейске не написал. Зато много занимался английским, но это уже было следующей зимой. А первая зима кончилась в апреле: «Весна свалилась как снег на голову... Енисейцы начали есть черемшу... Кроме запахов, в городе ничего нет».

Друзья и гости

Эрдман пишет, что «перезнакомился с людьми», то, что в письмах нет фамилий этих людей, кроме одной, говорит, что знакомство с другими осталось знакомством: таких, как он, в городе было двое, оба, по Чехову, «ссылные интеллигенты», оба — Николаи Робертовичи.

Ланг Николай Робертович родился 27 апреля 1900 года в Москве. Отец, Роберт Александрович Ланг, сын книготорговца, служащий страховой компании «Россия», умер в 1904 году. С 1908 по 1918 год Н. Р. Ланг учился в Реформатской гимназии в Москве, затем работал счетоводом. По окончании в 1925 году Института востоковедения командирован в город Хабаровск для работы в Дальгосторге. В 1928 году возвратился в Москву

и стал работать экономистом информативно-экономического отдела Всесоюзной Западной торговой палаты. Во время учёбы в институте Ланг состоял во Всероссийской федерации анархистов-коммунистов, а по возвращении в Москву вошёл в состав анархической секции Кропоткинского комитета. 5 ноября 1929 года Ланг был арестован. Есть версия (А. Говорков), что Николай Ланг послужил одним из прототипов Мастера из знаменитого романа Михаила Булгакова.

Ланг был приговорён к трём годам заключения, которые отбывал в Верхнеуральском и Челябинском политизоляторах, а затем был направлен на три года ссылки в Восточную Сибирь. В Енисейске он проработал с июня 1933 года по ноябрь 1935-го, работая в должности экономиста треста «Севполярлес».

Николаи Робертовичи не могли если не сдружиться, то поневоле близко сойтись, что помогало в тоскливых енисейских сумерках переживать разлуку с домом, родными, любимыми.

После Енисейска Ланг работал в той же должности в Красноярске. По окончании срока ссылки Ланг служил плановиком-экономистом в Курске (1936–1937), в Бежецке (1937–1938), в Нерехте Ярославской области (1938–1941). 14 мая 1941 года Ланг был арестован в городе Александрове Владимирской области, признан виновным в незаконном хранении холодного оружия и приговорён к трём годам исправительно-трудовых лагерей. Наказание отбывал в Тагиллаге до апреля 1944 года, после чего работал начальником планового отдела 11-го района Тагиллага «Тагилстрой» в селе Петрокаменском, а с мая 1945 года по июль 1949-го — начальником планового отдела Гораблагодатского стройуправления треста «Тагилстрой» в городе Кушве Свердловской области.

27 июля 1949 года Ланг был вновь арестован и приговорён к заключению в ИТЛ сроком на десять лет. Отбывал срок в посёлках Абезь и Инта Коми АССР. 29 апреля 1957 года по жалобе его жены, Ирины Константиновны Ланг, прокуратурой Свердловской области был вынесен отказ в пересмотре дела, но в том же году Н. Р. Ланг был освобождён и переехал на жительство сначала в город Петрозаводск к И. К. Ланг, а в 1958 году — в Ленинград,

к своей второй жене, Н. А. Лебедевой, где умер 12 марта 1962 года, пережив Надежду Александровну на один год. Н. Р. Ланг был реабилитирован лишь в 1992 году.

Летом 1934 года Эрдмана навестили гости: жена Н. А. Воронцова (Дина) и артист Эраст Гарин, сыгравший в постановке ГосТиМа Мейерхольда главную роль в «Мандате» — Гулячкина.

Про поездку Гарина рассказывают многие и по-разному. Вот как пишет Анатолий Мариенгоф: «Он отправился туда весной³.

Плыл, ехал и шёл двадцать дней⁴.

Багаж посетителя помещался в карманах и в газете, повязанный бечёвкой.

Когда он вошёл в комнату, у Эрдмана от неожиданности глаза раскрылись. По его же словам, „стали как две буквы «о»“:

— Эраст!..

— Здравствуйте, Николай Робертович!

Ссылный драматург поставил на стол поллитра, селёдку с луком и студень. Потом хозяйка принесла на сковородке глазунью.

Выпили. Перекусили. Поговорили.

Гарин расположился против окна.

— Смотрите-ка, Николай Робертович, гидросамолёт сел возле пристани⁵. Может, он на запад летит⁶...

— Вероятно.

— Может, меня прихватит...»

И Гарин через час улетел, а через три года, опять же за рюмочкой и глазуньей, так объяснил свой поступок: «Мне показалось, Николай Робертович, что я помешал вам. На столе отточенные карандаши лежали, бумага...»

Но ничего серьёзного Эрдман не написал ни в Енисейске, ни в Томске, где оказался в феврале 1935 года — после обращения Ангелины Степановой к влиятельным московским персонам о переводе любимого «в большой культурный университетский город».

Томские иллюзии

В феврале тридцать пятого, после тёплых проводов в Енисейске (думается, тяжелее всех было Лангу: он и радовался за товарища по ссылке, и переживал, что остаётся совсем один) и совершенно бессмысленного недельного ожидания отъезда в Красноярске, Эрдман наконец прибыл в Томск — снова за свой счёт, как и из Енисейска. Он устроился в довольно приличной гостинице и — принял ванну! «Кажется, моя первая ночь в Томске продолжалась около двух суток. Должен признаться, я здорово устал: едучи из Енисейска в Красноярск и из Красноярска в Томск, я всё время сидел; сидя в Красноярске, я всё время ходил, а в промежутках между сидением и хождением или стоял, или таскал чемоданы. Можешь себе

.....

3. На самом деле — в июле.

4. По воспоминаниям А. Хржановского, Гарин прилетел из Красноярска в Енисейск на открытом двухместном самолётике.

5. Почтовые гидросамолёты садились ниже пристани, напротив почты.

6. Гидросамолёты летали в Красноярск, на юг.

7. Как и в Енисейске, она носила имя Ленина, и, кроме неё, в городе не было ничего замечательного — кроме красивых деревянных домов с резными наличниками на нецентральных улицах.

представить, с каким наслаждением я влез в ванну, а потом в постель» (из письма к А. Степановой).

Томск Эрдману понравился. «Центральная улица⁷ похожа на школьный коридор во время большой перемены. Помимо учебных заведений, в городе есть цирк, кино и оперетта. В цирке с удовольствием досидел до конца, из оперетты с удовольствием ушёл после второго акта, в кино (после «Весёлых ребят» — видел в Красноярске) с удовольствием не пошёл. Кстати, о картине — такой постыдный и глупый бред. Неужели нельзя было сделать даже такой пустяковой вещи?»

Правда, «в здешних магазинах, кроме портретов вождей, ничем не торгуют. А томская библиотека похожа на томскую столовую — меню большое, а получить можно одни пальмени или Шолохова».

Конец зимы и начало весны Эрдман был занят поиском квартиры и работы. Из гостиницы он съехал 31 марта: «Комната у меня маленькая... у меня чисто, тепло, светло, есть домработница, фикус, занавеска на окне, полутёплая, или, вернее, полухолодная, уборная, но я должен проходить через чужую (пока почти нежилую) комнату. Крикливый сын, тонкие стены, а главное, внушительная цена заставляет меня думать о другой».

С новой квартирой уладилось с помощью сестёр Юдалевич — Анны Соломоновны Марковой, служащей банка, и Любви Соломоновны Малеевой, маникюрши, которая сдала ему часть комнаты. Здесь он в начале мая встречал свою «золотую мамочку», потом, перед приездом Дины, переехал на другую квартиру, но продолжал столоваться у прежней хозяйки.

Работа «нашла» его осенью тридцать пятого, когда в Томске открылся городской драматический театр. Его жалование составляло триста рублей, из них сорок он отдавал за квартиру. На эти деньги можно было жить (средняя зарплата в СССР достигла в том году двухсот девяти рублей), не рассчитывая на переводы от брата. Официально его должность называлась «завлит», но заниматься приходилось всем: «Занят я в театре с утра до ночи, но убей меня Бог, если я понимаю чем». В декабре он взялся за инсценировку романа Горького «Мать».

Премьера прошла в феврале тридцать шестого с большим успехом в отсутствие авторов: Горькому оставалось жить в Москве ровно три месяца, а Эрдман слёг с опухолью на ноге.

В отличие от писем из Енисейска, где упоминается один Н. Р. (Ланг), в томских имён предостаточно: «У Диньковых был один раз»; «Золотая мамочка, приюти у себя на несколько дней Александра Ивановича Дурандина. С сыном Александра Ивановича ты познакомилась у Анны Соломоновны Марковой»; «Самборская подарила мне флакон духов»; «Ленка больна гриппом, Лиде предстоит аборт»; упоминается фамилия артиста Шевелёва. Несколько раз Эрдман ездил в трудовую колонию

Ангелина
Степанова

«Чекист», как в Енисейске — в исправительно-трудовую колонию, чтобы помочь артистам за колючей проволокой в постановке их спектаклей. В Томск дважды приезжала мать, навестила Дина.

И всё же, всё же... Чувствуется, что радости от «университетского города», от контактов с «просвещёнными» томичами, даже от приезда родных людей он не получил, а тот покой, который он поневоле приобрёл в Енисейске, — утратил. К тому же произошёл окончательный разрыв с любимой женщиной.

Мастер и Ангелина

Они познакомились в 1928 году: молодой, талантливый, знаменитый автор «Мандата», блестящий, остроумный, и двадцатитрёхлетняя актриса МХАТа, в которой уже проглядывалось то, что сделает её примою советского театра. Тогда она была, по сути, девчонкой, но в ней счастливо сочетались серьёзное и глубокое отношение к сцене, где она работала со знаменитыми режиссёрами и артистами, и живое, радостное чувство жизни в советской стране. Ею увлекались, в неё влюблялись, но она, будучи замужем за режиссёром Горчаковым, потеряла голову только от Эрдмана, а он, связанный узами гражданского брака, ответил ей взаимностью.

Начинается любовный роман, со временем превратившийся в почтовый. Она уходит от мужа и поселяется у подруги, а Эрдман следует за нею в те места, где она гастролирует с театром или отдыхает: Батум, Баку, Харьков: «Мне было очень хорошо с Вами. Я никогда не забуду Ваших утренних появлений со стаканом чая в руках и Ваших таинственных исчезновений ночью, о которых

я узнавал только на другой день. Я никогда не забуду Ваших слёз и Ваших улыбок. Я никогда не забуду Харьков. Милая моя длинноногая барышня, не грустите над своей жизнью. Мы были почти счастливы. А для таких людей, как мы с Вами, почти счастье—это уже очень большое счастье».

Узнав об аресте Эрдмана, Степанова отправилась к другу юности Сталина Авелю Енукидзе, который от ЦК курировал МХАТ и «опекал её с отеческой нежностью», и попросила о свидании с арестованным. Енукидзе спросил, что заставляет её, известную актрису, так опрометчиво поступать. Она ответила: «Любовь». Свидание на Лубянке состоялось: «Мы произнесли всего несколько слов, а главное сказали друг другу неким внутренним посылом, смысл которого был доступен только нам двоим».

Степанова писала Эрдману по несколько писем и открыток в день, полных любви: «У меня столько любви к тебе, что если ты дашь возможность отсылать частичку её к тебе, мне будет гораздо легче...», бралась за театральную «халтуру», чтобы порадовать любимого «богатой» посылкой. А когда узнала, что в его доме по вечерам нет электрического освещения и ему приходится рано ложиться и подолгу без сна лежать в темноте, отправила ему коробку с батареями⁸, лампами, проводами. Сущий гуманитарий Эрдман с трудом, но справился с запуском «электростанции»:

«Начальнику строительства
А. О. Степановой.

Постройка енисейской электростанции—новый вклад в дело дальнейшего подъёма нашей страны и Вашего в моих глазах. ЦК (Целую, Коля)».

Весной тридцать четвёртого Степанова стала добиваться поездки к любимому, для чего завела роман с молодым и красивым сотрудником НКВД.

27 марта: «Вчера имела разговор о своих и твоих делах. Планы мои на лето ещё более укрепились—одним словом, как хочешь, а я к тебе приеду, разговор может быть только о сроках и числах. Сезон кончается 16 июня, ещё возможны гастроли, отпуск продлится месяц или полтора. Мечтаю побыть у тебя как можно дольше».

И наконец: «Сегодня получила бесплатный проезд Москва—Енисейск и обратно. В первый раз я почувствовала реально свой желанный отъезд».

Степанова добралась до Енисейска в начале августа. «Что сказать о десяти днях, проведённых в Енисейске?... Там впервые у нас с Николаем был свой дом... Мы были счастливы»,—напишет она в своих «Воспоминаниях».

С тем большим отчаяньем она восприняла разлуку, а три дня на пароходе-тихоходе до Красноярска, с остановками для погрузки дров, превратились в бесконечный разговор с Эрдманом,

оставшимся в Енисейске и из-за болезни даже не проводившим её до пристани.

19 августа: «Вновь открытки. Страшно. Я несчастна, милый! Лина».

20 августа: «...Жизнь моя, любовь моя, родной. Хочется бежать, плыть назад. Благодарю за надпись на книжке, она помогает мне сейчас и будет источником моей силы и твёрдости. Как страшно писать „целую“. Все благодарности Н. Р., телеграфируй о здоровье в Москву. Ещё раз целую тебя, милый! Лина».

21 августа: «Вчера долго стояли, грузили дрова. Смотрела на енисейский закат, потом на луну. Старалась быть сильной, мужественной. Сегодня серый, хмурый день, и Красноярск уже недалеко. Еду я прилично, хотя и без каюты, но это небольшое лишение. Две старушки и парнишка, с которыми меня познакомил Н. Р., поят меня чаем, покупают ягоды и занимают незамысловатыми рассказами... Выздоровивай и береги себя впредь. У меня ещё ничего не укладывается в голове, я знаю только, что мы всё равно вместе. Целую твои руки».

И так до 26 августа, до прибытия в Москву: открытки, в которых любовь, боль и—надежда.

Уже через неделю она пишет Эрдману, что надежда—есть: «Вчера разговаривала о тебе со своим знакомым. Он считает твоё пребывание в Енисейске нецелесообразным и спросил меня, в каком промышленном центре ты хотел бы находиться, какой город тебя интересует в сентябре».

«Знакомым» был всё тот же красавец из НКВД. В феврале тридцать пятого Эрдмана переводят в Томск. Степанова рвётся к любимому: «Очень стосковалась по тебе, мечтаю тебя видеть. Как ты? Наверное, много хлопот с устройством на новом месте. Пиши мне почаще, не забывай Худыру. Целую очень. Лина».

В мае Эрдмана посещает мать, вслед собирается Дина. Узнав об этом (в Москве, как в деревне, трудно было что-то утаить), Степанова перестала отвечать на его письма.

В конце тридцать шестого Эрдман получает справку об отбытии срока ссылки с правом выбора места жительства «минус шесть городов». До войны живёт не-«Далеко от Москвы»: в Калинин, Вышнем Волочке, Торжке, Рязани. В одну из своих нелегальных поездок в столицу, зимой сорокового, знакомится с балериной Натальей Чидсон. После смерти Дины в сорок втором от брюшного тифа и развода Чидсон с мужем они живут вместе, а в пятидесятом вступают в законный брак. В пятьдесят третьем брак распался. Через несколько лет Эрдман снова женился, и снова на балерине—Валентине (Инне) Кирпичниковой. Она была младше его на двадцать шесть лет и страдала «дачной» болезнью, замыслив возвести на участке в Красной Пахре то, что потом стали называть новоделом: громоздкое многоэтажное здание с подземным

8. В нашем доме от таких питался радиоприёмник «Родина».

гаражом, галереями, верандами; всё это стоило больших денег, а гонорары всё меньше... Николай Робертович Эрдман скончался 10 августа 1970 года.

В июле тридцать шестого и у Степановой произошло большое событие: она родила сына Сашу. Нехитрые расчёты показывают почти точное совпадение дат зачатия и выдачи справки Эрдману об окончании срока ссылки (18 октября). Причастен ли был отец ребёнка к выдаче справки, неизвестно. Через год Степанова познакомилась в Париже (ну а где ещё?!) с Александром Фадеевым и вышла за него замуж. У них родился общий сын, а Сашу Фадеев усыновил и дал ему свою фамилию. Александр Фадеев-младший стал артистом, ни в кино, ни на сцене не блистал, зато отметился громкими женитбгами — на Людмиле Гурченко и на внучке Сталина.

По прошествии многих лет Степанова писала с горечью: «Я неоднократно возвращалась к мысли, что когда-то потеряла возможность иметь ребёнка от Николая, он был бы живой памятью нашей любви. Но тогда это было невозможно: жена у него, у меня — театр. Он был испуган, растерян, но настойчив. Я уступила. Сетунь. Зависимость обстоятельства».

А вот записка Н. Эрдмана, переданная Степановой в сетунскую (переделкинскую) больницу, где она находилась несколько дней 1931 года: «Если моё присутствие может хоть сколько-нибудь помочь Твоему одиночеству — знай, что я сейчас возле Тебя всем, что есть во мне самого лучшего. Прости меня, милая. Целую. Николай».

Да, он был испуган: ребёнок, да ещё внебрачный! После такого поступка по-иному смотришь на отношения Эрдмана и Степановой: она отдавалась любви сполна, отдавая всё любимому, делая то, что «приличная» женщина никогда себе не позволит, но она была великая актриса и великая женщина: «Очень трудно вспоминать твои отказы от меня, твои уходы — страшно, что это будет опять. Совершенно ясно, что жить без тебя не смогу, уйти от тебя мне самой невозможно. Понятно, что, попадая в круг этих мыслей в одиночестве, слыша иногда фразы, которые люди бросают о наших с тобой отношениях, узнавая какие-то твои домашние дела, я не могу сладить с собой, пойми! Милый, я знаю, что эти эгоистические бабы мучения и мысли уйдут, что любовь моя шагала и будет шагать через них... Я донесу тебе мою любовь, и если она когда-нибудь понадобится тебе, ты возьмёшь её чистой, большой и глубокой...»

А он взял — и ничего не дал взамен. Потому что он был только великим драматургом. И если говорят, что он автор двух пьес, то это неправда. Он написал, поставил и сыграл себя в пьесе «Мастер и Ангелина»; читая его письма к «длинноногой», Худыре, Пинчику, хочется иной раз воскликнуть:

«Не верю!» Ангелина переиграла Мастера, как на сцене дети и животные затмевают даже больших артистов.

И последнее — о жизненной позиции Эрдмана

Если другого Николая Робертовича — Ланга — семнадцать лет держали в тюрьмах и ссылках за его чёткую позицию анархиста, то был ли Эрдман врагом советской власти (как потом стали называть — врагом народа, ведь Сталин считал, вслед за Луи, что он и есть народ)? Не беря во внимание басенки, какой «контрреволюционный» заряд несли его пьесы?

В «Мандате» двадцатипятилетний драматург показал, как за семь-восемь послереволюционных лет произошло «перерождение», «омещивание», потеря не только революционных, но и нравственных идеалов, каким пышным чертополохом возрос бюрократизм, об опасности которого предупреждал ещё Ленин: если что нас погубит, то это бюрократизм! Эрдман не был в оппозиции советской власти, которую принял с юношеским энтузиазмом («Октябрьская революция освободила рабочих и крестьян», — из «Литературной декларации имажинистов»), он был против её деградации.

Пьеса «Самоубийца», не допущенная к постановке после откровенного письма Сталина Станиславскому («Я не очень высокого мнения о пьесе „Самоубийство“ [так в тексте]»), — о герое, каких не было в отечественной драматургии: это лентяй, безработный, иждивенец, жертва системы, которая насаждает один страх, и источник страха — таинственный Кремль, куда звонит «самоубийца» Подсекальников. То есть повод налицо, а причина — страшно сказать — в Кремле. Эрдман сказал и — поплатился: за убийственную сагиру и сочувственное внимание (внимательное сочувствие) к простому человеку. Какой же он не враг НАРОДА после этого?

Но надо было жить в этой стране, при этой власти, и Эрдман признавал свою контрреволюционную деятельность и после ареста, и после ссылки: «В своё время я написал ряд политически вредных и антисоветских произведений, за что был справедливо осуждён органами НКВД... Изолированный от советской писательской среды, я совершал ошибку за ошибкой, в конце концов вступил на порочный путь» (из письма в «Правду», 1937 год).

В отличие от других репрессированных советских писателей, Эрдман не оставил литературных трудов о своей ссылке. Что касается опубликованного другими, то его можно разделить на три части: репрессии как неизбежность борьбы Сталина за сильное государство (в романе Алдан-Семёнова заключённые изображают на скале барельеф

вождя, у Бориса Дьякова на хрущёвском съезде встречаются палачи и их жертвы, и все радуются) попытка объективного анализа сталинского террора (Александр Солженицын); стойкое неприятие советского (сталинского) пути развития России (Осип Манделштам, Олег Волков).

Кстати, Волков — «наш», енисейский. Ровесник Эрдмана, сын директора крупнейшего в России завода и внук адмирала Лазарева, выпускник модного Тенишевского училища, однокашник Набокова, знаток латыни и европейских языков, питерский щёголь и заядлый театрал, был арестован в 1928 году, и началось: Лубянка, Бутырка, Соловки, Архангельск... После короткой передышки на воле (Кировоград, Калуга) — арест и ссылка в Красноярский край, в старинное село Ярцево, что ниже Енисейска на двести тридцать километров (1950–1955 годы). К своему девяностолетию Олег Волков выпустил книгу «Погружение во тьму»; тьма, по Волкову, это то, во что погрузилась страна после Октябрьского переворота.

В сравнении с тем, что напечатано о репрессиях, книга О. Волкова отмечена не какими-то художественными достоинствами (ну что может сравниться с описанием морозного утра в «Иване Денисовиче»?), а — ненавистью. К принципам и носителям пролетарской «морали», к лживости, лицемерию тех, кто невольно, а чаще ради привилегий и жизненных благ становился соучастником великой расправы над великим народом. Досталось всем: Горькому — певцу Беломорканала, «глухому к голосу совести» Катаеву, Дьякову, Алдан-Семёнову, Аксёновой-Гинзбург — за их попытки объяснить творимое с народом исключительно культом личности. Для Волкова же ясно одно: Россия погубила, погрузившись во тьму бездуховности, разрушения нравственных устоев общества. Но при этом Олег Волков с 1951 по 1986 год издал двенадцать чудесных книг прозы о Сибири и сибиряках, печатал в «Литературной газете» очерки в защиту природы — то есть противник системы (власти), искренне и в меру своих сил защищал свою страну, свой народ.

Не случайно практически все репрессированные советские писатели были реабилитированы, многие посмертно: не выявлено ни действий по свержению и подрыву власти (статья 58–1), ни измены Родине (58–1а), ни шпионажа (58–6)...

Когда началась война, Николай Эрдман рвался на фронт, но получил отказ как немец и как имеющий судимость, но в августе сорок первого

зачислен в сапёрную (!) часть и прошёл пешком с отступающей частью шестьсот километров. В Саратове чуть не умер от нагноения ноги и получил вызов в Москву, в ансамбль песни и пляски НКВД (!), в котором служил до 1948 года. До своей кончины в 1970-м написал сценарии художественных фильмов «Старый наездник» (снят в 1959 году), «Принц и нищий» и «Актриса» (1943), «Здравствуй, Москва» (1946), «Федя Зайцев» (1949), «Смелые люди» (1950, Сталинская премия второй степени), «Спортивная честь» (1951), «Застава в горах» (1953), «Шведская спичка» (1954), «На подмостках сцены» (1956), «Тихая пристань», «Снежная королева», «Верлиока» (1957), «В некотором царстве», «Рассказы о Ленине» (1958), «Косолапый друг» (1959), «Приключения Буратино» (1960), «Любушка» (1961), «Необыкновенный город», «Каин XVIII» (1963), «Укротители велосипедов» (1964), «Морозко», «Город мастеров» (1965), «Огонь, вода и медные трубы» (1968), «Снегурочка» (1969), а также мультфильмов, либретто оперетт⁹, интермедий.

Да, всё это было, за редким исключением, «переделкой», но Эрдман целиком отдавался этой работе, которая для великого драматурга была всё-таки «халтурой» (вспомним Степанову). Даже после двадцатого съезда «Самоубийцу» не реабилитировали, с третьей пьесой под названием «Гипногизёр» не получилось. Много сил отнимали бытовые проблемы. Их квартира с Диной после её смерти в 1942 году репрессированному Эрдману не досталась, лишь в 1950 году он с новой женой Натальей Чидсон въехал в отдельную квартиру в доме ГАБТ на улице Горького.

Эрдман любил игру, любил театр (последний всплеск этой любви — к Театру на Таганке), он любил жизнь, но когда ушли из жизни Есенин, Маяковский, Станиславский, Горький, Мейерхольд, Булгаков, Сталин, в конце концов, и он «вышел из игры в искусстве», ему осталась одна игра — на бегах: «Страсть Н. Р. к лошадям была хорошо известна. Себя же, как заядлого и не очень удачливого игрока, Н. Р. называл „долгоиграющий проигрыватель“» (А. Хржановский).

Чувство юмора не оставляло Эрдмана даже в самые трудные дни. Очевидцы вспоминают, как во время отступления в ноябре сорок первого его шутки поднимали настроение бойцам, а в победе над Гитлером он был уверен: «Завянет в России, как Бонапарт». И над своей личной трагедией он улыбнулся грустной улыбкой гения, подписав письмо любимой мамочке: «Твой Мамин-Сибиряк».

.....
9. Помню, как после «Летучей мыши» в Красноярской мюзикомедии от смеха долго болел живот.